

На правах рукописи

Ляховенко Олег Игоревич

РОЛЬ НАУЧНОЙ ЭЛИТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Специальность 23.00.02 –

«Политические институты, процессы и технологии»

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

005545347

Москва – 2013

Диссертация выполнена на кафедре российской политики
факультета политологии Московского государственного университета имени
М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Коваленко Валерий Иванович**
доктор философских наук, профессор

Официальные оппоненты: **Федякин Алексей Владимирович**
доктор политических наук, доцент

Лебедев Андрей Константинович
кандидат политических наук

Ведущая организация **Южно-Российский институт – филиал
ФГБОУ ВПО «Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской
Федерации».**

Защита состоится «17» декабря 2013 г. в 15 ч. 00 м. на заседании
Диссертационного совета Д 501.001.47 по политическим наукам на базе
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по
адресу: 119991, Ломоносовский проспект д. 27 корп. 4, корпус «Шуваловский»,
факультет политологии, ауд. А-619.

С диссертацией можно ознакомиться в Отделе диссертаций Научной
библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: 199991, Москва,
Ломоносовский просп., 27, Фундаментальная библиотека, сектор А, 8 этаж,
комн. 812.

Автореферат разослан «16» ноября 2013 г.

И.о. ученого секретаря
Диссертационного совета Д 501.001.47
доктор философских наук, профессор

Ю.И. Шелистов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Необходимость обращения к проблематике участия научных элит в политическом процессе России продиктована целым рядом актуальных вопросов, которые ставятся как областью социальной теории, так и конкретными запросами со стороны политической практики.

Современные трансформации процессов материального производства, массовизации общественной жизни, развития техники и внедрения технологий, общего ускорения социальных процессов вызывают серьезные социальные и управленческие следствия. Возрастает значение организованного знания и, прежде всего, знания научного. Условиями успеха в конкурентной среде все больше становятся доступ к информации, наличие уникального знания и специализированных компетенций. Проблема приобретает исключительную актуальность для России: необходимость перехода общества, экономики и государства на рельсы инновационного развития предметно ставит вопросы об увеличении роли научных элит как в производственных процессах, так и при принятии стратегических решений.

В то же время, проблема роли научных элит в политике неразрывно связана с актуальными измерениями политического процесса современной России. Политическая практика ставит вопросы о том, как происходит рекрутирование политических элит и при каких условиях они имеют возможность пополнять ряды политического класса, участвовать в экспертно-аналитическом сопровождении политических субъектов, влиять на принятие политических решений, оказывать идейное и интеллектуальное влияние на политический класс и бизнес-элиты. Особое положение занимают вопросы профессионального самоопределения носителей научного знания и роли исторических и социокультурных факторов взаимодействия научных элит и политической сферы.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика участия научных элит в общественных и политических процессах носит ярко выраженный междисциплинарный характер. По этой причине вопрос о роли научных элит и ученого сообщества в политике, экономике, процессах материального производства и т.д. исследовался в рамках широкого спектра частных научных дисциплин. С другой стороны, темой занимались не только ученые, но и писатели, публицисты, интеллектуалы и т.д. Отсюда ее *многогранный характер*.

В существующей литературе глубоко проанализированы современные условия общественного развития, в рамках которых оказывается востребованным участие научного сообщества и других социальных групп, занимающихся созидательным интеллектуальным трудом, в экономике и политических процессах. Данные вопросы рассматриваются в фундаментальных работах классиков социологического, политологического и футурологического знания (работы Д. Белла, Э. Тоффлера, П. Друкера¹), теоретиков сетевого общества (М. Кастельс), инновационного развития (Р. Флорида, Г. Ицковиц²) и стратегического менеджмента (Э. Пенроуз, Р. Грант, С. Винтер³), а также в более публицистических по характеру, но не менее значимых с точки зрения содержания работах экономистов и бизнес-консультантов (К. Нордстрем, Й. Риддерстрале, И. Адизес и др.⁴). Однако

¹ Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books. 1973; Тоффлер, Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ. 2004; Тоффлер, Э. Третья волна. М.: АСТ. 2010; Тоффлер, Э. Шок будущего. М.: АСТ. 2008; Друкер П. Эра социальной трансформации. 1994.

² Florida R. The Rise of the Creative Class - Revisited: 10th Anniversary Edition - Revised and Expanded. 2012; Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. 2010.

³ Penrose E. The Theory of the Growth of the Firm, New York, John Wiley and Sons, 1959; Grant, R.M. Toward a Knowledge-Based Theory of the Firm // Strategic Management Journal 17, Winter Special Issue, 1996, pp. 109–122; Winter. S. Knowledge and competence as strategic assets // The Competitive Challenge – Strategies for Industrial Innovation and Renewal. Ballinger, Cambridge, MA. 1987.

См. также: Levina N. Knowledge and organizations literature review. Cambridge, MA. 1999.

⁴ Нордстрем К., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. 2002; Нордстрем К., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствие. 2008.

следует отметить, что многообразные существующие исследования посвящены главным образом либо прикладным вопросам экономики, бизнеса и стратегического менеджмента, либо общим социальным следствиям текущих изменений в характере производства и средствах коммуникации, и в целом – *экономической сфере в большей степени, чем политической*. В рамках проблематики политической науки основной фокус внимания также сосредоточен либо на глобальных трансформациях феномена власти (М. Кастельс, Дж. О’Тоал⁵), либо на узких и прикладных вопросах конкретных политических кампаний (избирательных и мобилизационных). «Власть знания», наличие уникальных интеллектуальных и творческих навыков и компетенций в этом случае, как правило, *подразумеваются* в качестве основной предпосылки, но гораздо реже *осмысляются* сами по себе.

Проблемы внутренней организации, институционализации и взаимодействия научного сообщества с внешними акторами (государством, бизнесом, грантодателями), а также смежные вопросы «производства знания» рассматриваются в рамках предметов *философии науки, истории и методологии науки, социологической науки и ее субдисциплин*: социологии науки, социологии знания и т.д. (К. Мангейм, Т. Кун, И. Лакатос, Д. Блур⁶). Наиболее общие подходы к пониманию научных элит в рамках социально-политического знания были сформулированы классиками элитизма (В. Парето⁷) и политической социологии (М. Вебер⁸).

⁵ *О’Тоал Дж.* Геополитика постмодерна? Геополитические представления модерна и за их пределами // Политическая наука. 2009. №1. С.188-223

⁶ *Mannheim, K.* Essays on the Sociology of Knowledge. London: Routledge & Kegan Paul, 1952; *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962; *Lakatos I.* History of Science and Its Rational Reconstructions // Boston Studies, v. 8, edited by R. C. Buck and R. S. Cohen. Dordrecht: Reidel, 1971; *Bloor D.* Knowledge and Social Imagery. 2 ed. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1991. P. 3-23.

⁷ *Парето В.* Компедиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли / Под ред. Алексеевой Т.А., М. 1997.

⁸ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С.707-735

В рамках общего исторического направления и истории науки хорошо разработаны вопросы функционирования научного сообщества на разных этапах существования СССР. Данные исследования связаны с именами таких авторов, как Б.Г. Юдин, Ю.Н. Афанасьев, П.В. Волобуев, М.Е. Главацкий, Ю. Оснос, В.П. Яковлев, А.И. Аврус, М.Г. Ярошевский, В.Д. Есаков, С.Р. Микулинский, П.В. Алексеев, В.П. Макаренко. Об исключительной роли науки и ее практического измерения писал В.И. Вернадский⁹.

Разрабатываемые в рамках отечественной элитологии подходы обращены, прежде всего, к исследованию политических элит в России, их рекрутированию, проблемам политического лидерства и т.д. Глубокий анализ элитологической проблематики связан с именами Г.К. Ашина, О.В. Гаман-Голутвиной, О.В. Крыштановской, А.В. Понеделкова¹⁰. Различные аспекты проблематики политических элит и лидерства в своих исследованиях затрагивали А.Ю. Шутов, Д.В. Бадовский, Р.Ф. Туровский, Е.Б. Шестопал, А.Е. Чирикова, В.В. Радаев и другие¹¹. Серьезный вклад в изучение

⁹ *Вернадский В.И.* PRO et CONTRA. СПб., 2000, С.146-147; *Вернадский В.И.* Вопросы философии и психологии. 1902. № 65. С.251; *Вернадский В.И.* Отчет о деятельности КЕПС. Пг.: АН, 1916. № 5. С.239.

¹⁰ *Ашин Г.К.* Курс истории элитологии. Учебное пособие. М.: МГИМО (У). 2003; *Ашин Г.К.* Элитология в системе общественных наук // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С.124-134; *Ашин Г.К., Охотский Е.В.* Курс элитологии. М., 1999; *Ашин Г.К., Понеделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М.* Основы политической элитологии. Учеб. пособие. М.: Изд-во ПРИОР, 1999; *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис, 2008, №6; *Понеделков А.В.* Политико-административная элита. Проблемы методологии, социологии, культуры. Ростов-на-Дону, 1995; *Гаман-Голутвина О.В.* Определение основных понятий элитологии / Полис. 2000. № 3. С.97-103; *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: 2006; *Элиты и общество в сравнительном измерении / под ред. Гаман-Голутвиной О.В.* М.: РОССПЭН, 2011; *Крыштановская О.В.* Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. 2004. Т. 13. № 4. С.3-39; *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

¹¹ См.: *Бадовский Д.В., Шутов А.Ю.* Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр. 1995. № 6; *Шестопал Е.Б.* Психология лидерства и власти в России // Психология элиты. 2009. № 2; *Шестопал Е.Б.* Психологический подход к оценке российской политической элиты // Studia Politologiczne. 2013. № 28. С. 11-21; *Туровский Р.Ф.* Кризис российской региональной элиты // Властные элиты современной России. Ростов-на-Дону, 2004; *Чирикова А.Е.* Институт региональной власти в России: современные политические тенденции и неформальные практики //

проблематики научных элит, научной интеллигенции и интеллектуалов в России на современном этапе внесли О.В. Крыштановская, С.А. Кислицын, А.М. Старостин, Б.М. Фирсов, К.И. Микульский, В.А. Куренной, А.Д. Савельев, И.В. Клушина, А.С. Макарычев, А.И. Ракитов, А.В. Юревич и ряд других авторов¹². Особенностью таких работ является серьезное и глубокое использование политико-исторических и политико-социологических подходов. Широкое изучение проблематики научных элит также связано с «ростовской элитологической школой»: в 2004–2008 гг. в Ростове-на-Дону, Армавире, Майкопе были защищены диссертации, посвященные генезису научных элит, взаимодействию научной и политической элит в СССР и США, отдельным проблемам научной интеллигенции (в основном в русле политологических, исторических и социологических исследований)¹³.

В мировой политической науке проблематика участия организованного знания в политических процессах также привлекает внимание исследователей. Однако число теоретических работ невелико. В рамках предметного поля

Казанский федералист. 2012. №4 (30) осень. С 22-51; Радаев В.В. Теории элит как особое направление стратификационных исследований // Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996.

¹² Крыштановская О.В., Хуторянский Ю.В. Элита и возраст: путь наверх // Социологические исследования. 2002. №4; Крыштановская О.В. Интеллектуалы и закрытая политическая корпорация. Новый опасный класс// Русский журнал. 2011; Кислицын С.А., Нектаревская Ю.Б. Научная элита и политическая система. Ростов-на-Дону: Ростгиздат, 2006; Кислицын С.А. Научная элита в системе политической власти. М. 2013; Фирсов Б.М. Воспроизводство научной элиты / Б.М. Фирсов // Социологический журнал. 1998. № 1-2. С. 5-14; Клушина И.В. «Научная элита»: экспликация понятия // Путь в науку. Вып.4 4.2. Ростов-на-Дону, 2003. С.78; Мыслящая Россия: картография современных интеллектуальных направлений // под ред. Куренного В.А. М., 2006.; Савельев А.Д. Идентификация и формирование научной элиты (обзор) // Социс. 1995. № 2. С.118-124; Ракитов А.И. Конверсия, трансфер, образование // Вуз и рынок. Кн. 3. Часть 1. М.: Пресс-сервис, 1993; Макарычев А.С. Интеллигенция и власть: союзники? попутчики? соперники? Свободомыслие и культура. Нижний Новгород, 1996; Юревич А.В. Ученые в политике. // «ПОЛИС», 1999 г, № 2, и др.

¹³ Нектаревская Ю.Б. Взаимодействие научной элиты и политической элиты в США и России. Сравнительный историко-политологический анализ. Дис. ... кандидата политических наук. Ростов-на-Дону. 2006; Липчанская И.В. Генезис научной элиты: социально-философский анализ. Дис. ... кандидата философских наук. Ростов-на-Дону. 2008г. Пелих А.Л. Политика Советского государства по организации и развитию научных исследований: 1917-1991 гг. Дис. ... доктора исторических наук. Армавир. 2007 г.; Клушина И.В. Научная интеллигенция в условиях изменяющегося полиэтнического общества: На примере Республики Адыгея. Дис. ... кандидата социологических наук. Майкоп. 2004.

политики внимание исследователей обращено, прежде всего, к проблематике think tanks и их влиянию на внутри- или внешнеполитический курс США и гражданское общество в других странах (Д. Абельсон, Д. Рикки, Д. Стоун, Дж. МакГанн¹⁴). Однако тема во многом остается «новой» для американской науки: несмотря на то, что ряд важных работ был написан еще в 1970–90-е гг.¹⁵, подобные исследования выходят в фокус внимания политологов только в самые последние годы (А. Рич, Т. Медвец, Дж. МакГанн, Р. Сабатини¹⁶).

Таким образом, несмотря на существенный научно-теоретический задел и глубокую разработку целого ряда смежных предметных полей и дисциплин, *проблематика участия научных элит в политическом процессе России* остается недостаточно хорошо изученной, что и определяет актуальность нашего исследования.

Объектом исследования являются научные элиты

Предметом исследования выступают механизмы и институты участия научных элит в политическом процессе.

Целью исследования является разработка теоретико-методологического инструментария к анализу участия научных элит в политическом процессе и определение наиболее характерных принципов и моделей такого участия на современном этапе российской государственности.

¹⁴ Ricci D. *The Transformation of American Politics: The New Washington and the Rise of Think Tanks* // New Haven, Con.: Yale University Press, 1993; McGann J. *The Competition for Dollars, Scholars, and Influence in the Policy Research Industry* // NY: Univ. Press of America. 1995; Abelson D. *American Think Tanks and their Role in U.S. Foreign Policy* // NY: St. Martin's Press. 1996; Abelson D. *Do Think Tanks Matter? Assessing the Impact of Public Policy Institutes*. Montreal: McGill-Queen's University Press. 2002; Stone D. *Capturing the Political Imagination: Think Tanks and the Policy Process* // Portland, Ore.: Frank Cass, 1996.

¹⁵ Public Policy Research Organizations In The United States. Think Tank Landscapes: Germany And The United States. German Academic Exchange Service. 1993; Academics to Ideologues: A Brief History of the Public Policy Research Industry // Political Science and Politics, December 1992.

¹⁶ Rich A. *Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise*. 2004; Medvetz T. *Think Tanks as an Emergent Field* // Social Science Research Council, Oct. 2008. NY; McGann J., Sabatini R. *Global Think Tanks, Policy Networks and Governance*. University of Pennsylvania. 2010; McGann J. *Democratization and Market Reform in Developing and Transitional Countries: Think Tanks as Catalysts*. Routledge, 2010.

Для достижения заявленной цели были поставлены следующие задачи:

- конкретизировать понятие «научные элиты», определить его социальный субстрат и институциональных носителей;
- выработать индуктивную исследовательскую модель, позволяющую анализировать различные механизмы участия научных элит в политике и интегрировать их в общую исследовательскую картину;
- выявить исторические и социокультурные предпосылки возникновения научных элит в России, их опыт взаимодействия с государством и политической сферой;
- изучить основные механизмы рекрутирования научных элит в ряды политического класса, циркуляции между разными вертикалями;
- исследовать основные форматы экспертно-аналитического взаимодействия научных элит с политическими субъектами в их временной динамике; проанализировать основные механизмы идейного и интеллектуального влияния на политическую сферу и гражданское общество.

Теоретико-методологические основы исследования.

Особое положение научных элит и тот факт, что до сих пор данная проблематика широко исследовалась в рамках смежных обществоведческих дисциплин, продиктовали необходимость *самого широкого выбора* теоретических и методологических инструментов.

В самом общем виде мы опирались на технократические подходы (Дж. Гэлбрейт), теорию постиндустриального общества (Д. Белл), теорию сетевого общества и связанные с ними подходы (П. Друкер, Э. Тоффлер). Важной отправной точкой стала хорошо изученная в рамках *элитологии* проблематика генезиса элит в России, основных моделей элитообразования, механизмов циркуляции и рекрутирования элит. Некоторые из этих моделей были адаптированы к изучению циркуляции элит между научной и политической сферой. Широко востребованными для целей и задач нашего

исследования оказались элементы *структурно-акторного анализа* – рассмотрение политических субъектов в рамках акторного измерения, а окружающее их субэлитное пространство, гражданское общество и общество как большую социологическую категорию – в логике *средового анализа*.

Для решения целого ряда узких и предметно-ориентированных задач были инструментализированы элементы *неоинституциональной теории*¹⁷, которые уже показали свою применимость к анализу общественно-политической сферы: различение формальных и неформальных институтов, понятие «надконституционных правил», квазиэкономическое понимание политики как особого рынка и т.д. Таким образом, речь шла об «органическом заимствовании» того инструментария, который в значительной мере является «родственным» для политологического исследования.

Активно использовались наработки *политико-исторического* и *историко-культурного* подходов.

Таким образом, специфика предмета исследования и поставленные задачи научного поиска определили выход на *широкий междисциплинарный синтез* различных подходов, уже наработанных в рамках общественных наук.

Эмпирическая база исследования. В работе использовались: 1) научные работы, посвященные различным аспектам проблематики научных элит, «власти знания» и современного политического процесса в России; 2) интернет-сайты органов государственной власти, экспертно-научных и исследовательских центров; 3) материалы СМИ о деятельности политических субъектов, партий, государственных органов и т.д.; 4) мемуары, биографии и автобиографии политических и общественных деятелей, тексты и записи интервью, взятых у экспертов, аналитиков, чиновников, материалы «круглых столов»; 5) собственные исследовательские и экспертные наработки автора.

¹⁷ Аузан А.А. Институциональная экономика. М.: 2005; Бренделева Е.А. Неинституциональная экономическая теория. М. 2006. С.28.; Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. М. 2010.

В 2012-2013 гг. проведено полевое исследование в форме серии экспертных интервью, в рамках которых было опрошено 15 человек – как действующих представителей научной элиты, так и ранее связанных с научной сферой. Это ученые и академические работники, политологи и политтехнологи, представители аналитических структур, работающих с органами государственной власти, и независимых исследовательских фондов и т.д.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Ключевыми признаками научных элит как части творческого, созидającego класса общества являются: 1) интеллектуальный характер деятельности, ориентированный на производство знания и навыков теоретического или прикладного характера; 2) встроенность в сети профессиональной коммуникации. Более целесообразно поэтому говорить не о научной элите как целостном и едином, сознающем себя в качестве такового акторе, а о *научных элитах*, представляющих собой множество взаимно пересекающихся сетей.

2. Современные трансформации экономики и технологии, «диффузия власти» вниз по ступеням формальной иерархии приводят к росту консультативной и экспертной власти и диктуют потребность в участии человека – носителя этих знаний в самом широком спектре процессов – экономических, политических, социальных. Однако представляется несостоятельным довод о переходе политической и экономической власти в руки научной или управленческой элиты как единого, целостного актора. Более целесообразно говорить об участии научных элит в *реализации* политической власти посредством экспертного, аналитического и консалтингового участия в выработке значимых решений.

3. На современные модели и формы взаимодействия научных элит и политической сферы в России оказывает серьезное влияние вся историческая и социокультурная традиция российской государственности, которая достаточно *амбивалентна*. Статусы принадлежности к научной и политической элите несопоставимы, политическая сфера доминирует, а научная – выступает

отвечающим, ре-активным началом. Основной доминантой является государство как макроинститут, определяющий «правила игры» в общественной жизни. Хотя наука исторически была тесно связана с государством, для научных элит характерно было дистанцирование от участия в политике, противоречивым следствием чего стало слабое развитие практики конструктивного вовлечения ученого сообщества в политику в равных, сопоставимых статусах. Исторически научные элиты нередко подпитывали контрэлиты. Исключения из этого правила связаны, прежде всего, с именами ученых, которые одновременно достигли выдающихся успехов в своих областях, получили общественное и научное признание и в то же время – выстроили эффективное взаимодействие с политическими элитами.

4. В России практически не работает или работает очень специфично «принцип вращающихся дверей» между научной и политической сферой. Переход между сферами в большинстве случаев носит *однонаправленный характер*: из политической сферы в научную перейти значительно проще, нежели в обратном направлении. Исключения, такие как приход научных элит во власть во времена политических кризисов или временный «призыв» ученых в политику, в целом подтверждают специфику циркуляционного механизма.

5. К настоящему времени становится возможным говорить о формировании в России *техноструктуры политической сферы* и подключении носителей уникальных знаний и компетенций к процессам подготовки и исполнения значимых политических решений, обеспечения деятельности политических субъектов и сопровождения их работы. В то же время в силу общей закрытости центров принятия решений, влияние научных элит на содержание принимаемых решений остается небольшим. В отношениях экспертно-научного сообщества и власти ярко проявляется асимметрия статусов и реальных рычагов влияния.

6. Влияние научных элит на гражданское общество и широкие социальные слои в настоящее время достаточно слабое. Актуальной проблемой является недостаточное число символических фигур из числа научных элит,

которые бы воспринимались широкими общественными слоями в качестве значимых и статусных, имеющих авторитет в масштабе всего общества. Серьезной проблемой является общее понижение статуса носителя знания в восприятии общества и политических элит.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- конкретизировано и уточнено *реальное содержание запроса* на участие научных элит в экономике и политике, которое связано не только с практическим осуществлением уникальных знаний и компетенций, но и с реализацией общей гуманистической функции;
- показана тесная связь между современными моделями и формами участия научной элиты в политике и общей социокультурной традицией взаимодействия власти и знания в России;
- выделены несколько исторических моделей участия научных элит в политике, наиболее типичных и воспроизводимых на разных этапах общественного развития (вхождение в административную вертикаль; сближение с политическим «истэблишментом» отдельных ученых – носителей высокого символического капитала; вхождение в контр-элиты; вхождение напрямую во власть в исключительные, кризисные и сложные периоды);
- выделен ряд наиболее характерных паттернов взаимодействия отдельных групп научных элит с властью;
- выделены несколько самостоятельных периодизаций участия научных элит в политическом процессе России на современном этапе, отражающих: а) динамику процессов прямого рекрутирования научных элит во власть; б) динамику участия научных элит в экспертном и аналитическом сопровождении политических субъектов;
- авторской новацией является применение к анализу циркуляции научных элит уже широко используемых в рамках элитологии моделей перехода между политической сферой и бизнесом;

- проанализирован ряд «кейсов», иллюстрирующих взаимодействие научных элит и власти: а) участие либеральной профессуры императорских университетов в политическом процессе дореволюционной России; б) приход команды реформаторов, объединяющей широкий круг выходцев из научной среды, в правительство России в 1991-1992 гг.; в) реформа Российской Академии Наук в 2013 г.

Апробация диссертационного исследования.

Теоретические выводы и результаты прикладной части исследования докладывались и обсуждались на X Международной научно-практической конференции Харьковского отделения Социологической ассоциации Украины и социологического факультета ХНУ имени В. Н. Каразина «Якубинская научная сессия» (г. Харьков, Украина, 2013 г.), I Всероссийском элитологическом конгрессе (Ростов-на-Дону, 2013 г.), XX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013» (Москва, 2013 г.), IV Всероссийской (заочной) конференции «Россия-2030 глазами молодых ученых» (Москва, 2013 г.), заочной конференции «Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы» (Москва, 2013), конференциях, чтениях и круглых столах на факультете политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Материалы исследования отражены в 9 публикациях общим объемом 4,5 п.л. Результаты эмпирического исследования – экспертного опроса представителей научных элит опубликованы в «Вестнике Харьковского университета», рекомендованном ВАК Украины, а также в «Материалах...» к Первому Всероссийскому элитологическому конгрессу с международным участием (Ростов-на-Дону, 2013 г.)¹⁸.

¹⁸ *Ляховенко О.И.* Влияние научных элит на политический процесс в России // Вестник Харьковского университета. 2013. №1045. С.96-100; *Коваленко В.И. Ляховенко О.И.* Научная элита в политическом процессе России: к постановке проблемы // Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Том 1. Ростов-на-Дону. 2013.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее научной разработанности, определяются объект и предмет, формулируются цели и задачи исследования, раскрываются теоретико-методологические основания и эмпирическая база работы, излагается научная новизна и практическая значимость результатов исследования.

Первая глава «Теоретико-методологические подходы к исследованию участия научных элит в политическом процессе» состоит из четырех параграфов.

В *первом параграфе* поднимается проблема «власти знания», ставится вопрос об определении понятия «научная элита» и ее социального субстрата. Отправной точкой для этого являются *формальные социологические подходы*, согласно которым основным социальным субстратом научной элиты является ученое, академическое и профессорско-преподавательское сообщество. Однако сведение научных элит только к признанным ученым и администраторам науки представляется недостаточным в условиях современных социальных трансформаций и формирования техноструктуры политической сферы. Как следствие, аргументируется взгляд на научную элиту как часть более широкой социальной группы, задействованной в процессах интеллектуального и материального производства и использующей для этого систематизированное знание и уникальные творческие навыки и компетенции.

Делается вывод о том, что носители знания не просто вовлечены в техноструктуру политической сферы, но по своей структурной организации объединены в особую сеть, или даже *совокупность сетей*, охватывающих

многочисленные научные школы, профессиональные объединения, отдельных их представителей, академические учреждения, аналитические и консалтинговые структуры, «think tanks», «brains trusts», аппараты и внутренние экспертные подразделения политических органов. В то же время научная элита, даже будучи вовлеченной в процессы властной коммуникации, не является самостоятельным актором, осознающим себя таковым и способным прямо диктовать волю политической сфере.

Таким образом, более корректно говорить не о «научной элите», а о «научных элитах», основными характеристиками которых является сочетание двух признаков: 1) наличие научной рациональности как особого способа мышления и решения задач теоретического или прикладного плана; 2) включенность в сети профессиональной коммуникации и наличие связей с научными учреждениями. Применение данного критерия позволяет отнести к научным элитам не только наиболее выдающихся представителей академического сообщества (в соответствии с социологическими критериями), но также наиболее квалифицированных аналитиков, консультантов, экспертов, осуществляющих сопровождение политической деятельности. Таким образом, происходит выход на проблему *мультистатусности* представителей научных элит.

Во *втором параграфе* анализируется специфика участия научных элит в политике на макросоциальном уровне.

Показаны исторические корни представлений о «власти знания» и о знании как предпосылке к получению и удержанию власти, восходящие к эпохе Античности и Средним векам. Показано, как с развитием техники и технологий, становлением современных способов производства, ускорением социального времени, усложнением общественной структуры и появлением нового сложно организованного государства с развитым бюрократическим аппаратом и необходимостью курировать самый широкий спектр политических и социально-экономических вопросов изменяется *качественная характеристика* этой формы власти. Делается вывод о том, что в современных

общественно-политических условиях сама *реализация* политической и экономической власти трудноосуществима без широкого слоя носителей уникальных навыков, знаний и компетенций, осуществляющих подготовку, обеспечение принятия и исполнение решений. Также показывается, как спуск центров генерации и исполнения решений «вниз» по властной вертикали создает спрос на реализацию новых форм власти – консультативной и экспертно-аналитической.

Обозначается проблема нахождения критерия точного и функционального знания в условиях ускорения социального времени, увеличения плотности и насыщенности информационных потоков, развития коммуникационных сетей и в целом сетевого начала в социальной организации. Ускоряющиеся потоки информации оказываются в крайней степени «недружелюбны» по отношению к человеку. Он от них зависит, но не может надлежащим образом верифицировать подлинность обращаемой информации – в то время как именно она определяет его социальную, экономическую, политическую жизнь. Как следствие, в отношении научной элиты формируется запрос, связанный с восстановлением точного знания и поиском критериев совершения функционального действия в существующих условиях.

Делается вывод об объективно растущем запросе на участие «класса носителей знания» в политических и экономических процессах, о том, что уникальные знания и навыки становятся важнейшими показателями успешного ответа на внешние вызовы, как в политике, так и в экономике, и в масштабах всего общества как такового. В то же время, подчеркивается некорректность утверждений о том, что «класс носителей знания» становится политическим классом либо концентрирует в своих руках всю полноту политической и экономической власти. На практике ни техноструктура, ни «производящие классы», ни научные элиты не становятся самостоятельными политическими акторами с явно выраженной субъектностью. Однако в этих условиях изменяется природа власти: квалификация и специализация каждого

конкретного человека становятся инструментом, *посредством которого* реализуется власть политических акторов. Как следствие, возрастает роль гибких, открытых, компетентных команд, отвечающих за выработку, принятие, реализацию и текущее сопровождение управленческих решений на всех уровнях.

В *третьем параграфе* рассматриваются теоретические и методологические подходы к изучению институтов и механизмов участия научных элит в политическом процессе. Рассматриваются уже выработанные в рамках неинституциональной теории подходы, связанные с различием формальных и неформальных правил, обращается внимание на политологическое понимание неформальных правил как «реальных практик» взаимодействия акторов. Показано значение для анализа социокультурных факторов общественной жизни категории «надконституционных правил» как квинтэссенции социокультурной традиции – наиболее устойчивых и воспроизводимых в обществе неформальных правил, основополагающих для него. Для задач практической части исследования вводятся две базовые предпосылки неинституциональной теории – факторы ограниченной рациональности и оппортунистического поведения, накладывающие принципиально неустраняемые поправки на взаимодействие различных акторов.

Далее в логике структурно-акторного анализа обозначаются основные институциональные условия участия научных элит в политической сфере. В логике *акторного* анализа выделяются два основных механизма участия в политике и воздействия на нее: 1) непосредственное рекрутирование представителей научных элит в ряды политической элиты; 2) экспертно-аналитическое сопровождение деятельности политических акторов. В логике *структурного* анализа обозначаются несколько направлений средового влияния ученых и научных элит на политику: взаимодействие с гражданским обществом, идейное и интеллектуальное влияние на политику и общество, реализация образовательной и гуманитарной функций.

В *четвертом параграфе* анализируется проблематика идейного влияния научных элит на политическую сферу.

Обращается внимание на различную величину временных лагов такого влияния. Наиболее короткое «плечо» у прямого влияния конкретного ученого, интеллектуала на политиков – в том случае, если у них выстроены неформальные связи, например, благодаря «школьным галстукам». Средний временной лаг (от 3 до 7 лет) характерен для влияния научных элит на субэлитное окружение политических лидеров, общественное мнение и т.д. Отложенный во времени эффект достигается за счет опосредованного характера влияния. Наибольший временной лаг имеет канал влияния, связанный с выполнением научной элитой образовательной и гуманитарной функции. Между усвоением определенных ценностей и взглядов и их применением на руководящих должностях в политике или бизнесе может пройти 20-25 и более лет.

Анализируются механизмы *опосредованного* идейного влияния научных элит на политические. С опорой на опыт зарубежных стран выделены *три* направления такого влияния. Первое связано с наличием некоей прямой идейной и идеологической традиции, следуя которой, те или иные будущие политики учатся у конкретных ученых, интеллектуалов, мыслителей, впитывают их мнения, философию, взгляды. Второе направление касается идейных и интеллектуальных «школ», в которых ученые и интеллектуалы совмещают социальные роли публицистов, лидеров общественного мнения и потому имеют возможность широко транслировать свои взгляды, убеждения, ценности и установки. Также, будучи признанными учеными в своих отраслях, такие представители научной элиты могут иметь авторитет среди политиков – и потому располагать возможностью оказывать на них влияние (приводится пример неоконсерваторов в США). Третье направление охватывает идейные «школы» в самом широком их понимании, объединяющем научные круги, экспертные сообщества и политических деятелей по ряду наиболее значимых политических и идеологических принципов. Очень часто в таком случае можно

говорить о наличии феноменов «школьных галстуков», когда выпускники престижных вузов, пройдя вместе путь ученичества, впоследствии выбирают разные карьерные траектории (политика, бизнес, наука), однако поддерживают между собой профессиональные контакты и связи. Хотя рассмотрение таких «школ» в качестве полноценных политических акторов может быть преувеличением, тем не менее, можно с достаточной обоснованностью утверждать, что на стыке экспертного сообщества, политического класса и научных элит существуют «государственнические», «либеральные» и иные школы, объединяющие не только экспертов и ученых, но также политиков, бизнесменов, чиновников, медийных персон.

Вторая глава «Особенности и специфика участия российских научных элит в политическом процессе современной России» также состоит из четырех параграфов. В *первом параграфе* большое внимание уделяется анализу исторических и социокультурных процессов взаимодействия научных элит и власти, а также средовому контексту, в котором возникали и развивались научные элиты, формируя собственную традицию взаимоотношений с политической сферой. Обращается внимание на историческую роль государства как «макроинститута», на служилый характер модели элитообразования. Зарождение научных элит в России рассматривается в контексте социокультурных оснований российской государственности. Показываются отличия от Западной Европы и США, где наука и научные институты возникали в течение длительного исторического периода в тесном контакте с церковью и свободными городами, постепенно преодолевая наложенные извне рамки. Напротив, в России наука *создавалась* при активном участии государства, причем уже достаточно поздно по историческим меркам (XVIII век). Это обусловило изначально высокую роль государства во взаимоотношениях с научной сферой. Исторически весьма длительный период для российской научно-образовательной сферы был характерен служилый характер, образовательные учреждения были ориентированы на производство образованного слоя, который в дальнейшем комплектовал государственную

бюрократию. Перед наукой активно ставились задачи обеспечения технических и производственных потребностей государства. В совокупности это обусловило совершенно конкретные *традиции взаимоотношения науки и власти*: асимметричность их позиций, очевидное доминирование государства, которое определяет правила игры, ориентацию научной сферы на задачи государства, традицию неучастия научных элит в политике и дистанцирования от нее (исключения из которой носили точечный характер в периоды наибольших кризисов). В то же время, была выработана совершенно особая традиция, при которой ученые, используя личные связи с отдельными представителями политических элит, могли добиваться принятия решений, значимых в государственном масштабе (М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев и др.). Однако такие решения не затрагивали политическую сферу и были связаны прежде всего с решением задач развития самого государства (открытие университетов, заводов, строительство железных дорог и т.д.).

Обращается внимание на то, что в советский период многие из уже сложившихся традиций были «радикализованы», усилены, получили гораздо более определенную форму.

Показывается историческое взаимодействие научных элит и интеллигенции в России, их точки пересечения и существенные различия. Отмечаются некоторые наиболее существенные *«архетипы»*, или исторически сложившиеся паттерны взаимодействия ученых и власти, отражающих определенные «надконституционные правила». Среди них: *«архетип Кулибина»* как своего рода иллюстрация «невостребованности» разработок отдельных ученых властью; *«ученого в системе»*, при котором государством тотально эксплуатируется научный и интеллектуальный потенциал ученого; *резкого противопоставления* отдельных ученых политическому режиму, всему государственному строю; *ухода* научных элит от любого взаимодействия с политической сферой.

В завершении параграфа рассматривается «кейс» реформы Российской Академии Наук летом-осенью 2013 г. На основе анализа прохождения

профильного законопроекта через парламент и содержания публичных дискуссий делается вывод о том, что в ходе реформы проявились исторически выработанные, хотя и достаточно неоднозначные модели взаимоотношения государства и науки. В их числе: неравносность статусов политики и науки, доминирование политической сферы; принадлежность «первого хода» и «последнего слова» политико-административной сфере, ограниченная способность ученого сообщества повлиять на содержание принимаемых инициатив и итоговую конфигурацию решений и т.д.

Во *втором параграфе* анализируется рекрутирование научных элит в ряды политического класса.

С опорой на исторический опыт показано, что научные элиты в России, в отличие, например, от США, так и не стали частью политического истеблишмента (за исключением отдельных фигур). Участие научных элит в политике также не было особо существенным. В ряде случаев представители научных элит могли поступать на государственную службу (зачастую полностью переходя в административно-бюрократический класс) либо подпитывать контр-элиты (для примера анализируется «кейс» либеральной университетской профессуры, в 1905-1917 гг. активно сотрудничавшей с партией кадетов и стоящей у ее истоков). Также отдельные ученые, достигнув выдающихся успехов в своих сферах и имеющие высокий авторитет в обществе и среди политических элит, могли выстраивать неформальные связи с политиками и таким образом оказывать определенное влияние на принятие значимых решений (примеры М.В. Ломоносова, П.Л. Капицы). Однако прямое вхождение научных элит во власть наблюдалось только в исключительных случаях, связанных с наиболее крупными политическими кризисами, распадом государственности и политического класса. Наиболее яркие примеры – 1917 год (вхождение либеральных профессоров во Временное правительство) и 1991-1992 гг. (приход в правительство России команды реформаторов Е.Т. Гайдара).

Вводится периодизация процессов рекрутирования научных элит в политический класс на современном этапе российской государственности, включающая *четыре этапа*:

1) *начало 1990-х гг.* Период связан с распадом советской системы и формированием на ее месте новой политической системы. Для научных элит появляется «окно возможностей» вхождения во власть. Отмечается активный приток выходцев из научной среды в правительство России (*«правительство Е.Т. Гайдара – правительство младших научных сотрудников»*);

2) *с 1992-93 гг. до начала 2000-х гг.* Перед научными элитами встает вопрос об удержании власти и успехе в конкуренции за влияние с другими элитными группами – силовыми, экономическими, административными и т.д. Начинается вытеснение научных элит из власти;

3) *2000-е гг.* В условиях стабилизации политического процесса сокращается число каналов вхождения научных элит во власть. В то же время, открывается особое «окно возможностей» для перехода отдельных представителей научных элит в экономическую или административную сферу;

4) *в 2011-2013 гг.* намечаются предпосылки к новому этапу, связанные с либерализацией законодательства и усилением публичной конкуренции.

В завершении параграфа анализируются модели циркуляции элит между научной и политической сферой. Делается вывод о том, что в России практически *не работает модель «вращающихся дверей»*, позволяющая конкретным персоналиям переходить между разными сферами с сохранением элитного статуса и влияния. Напротив, для России гораздо в большей степени характерна модель *однонаправленного перехода*. «Открыт» уход из политической сферы в научную, например, после завершения политической карьеры государственного деятеля. Однако обратный процесс достаточно сложен, часто сопряжен с необходимостью преодоления промежуточных ступеней – госслужбы, участия в выборах, партийной работы и т.д.

В *третьем параграфе* анализируются механизмы экспертного и аналитического влияния научных элит на политический процесс в России.

Поднимается проблема закрытости центров принятия решений, которая делает политику «черным ящиком», окруженным мифами, домыслами, предположениями. Анализируется проблематика think tanks как одного из носителей социального субстрата научных элит. Делается вывод о том, что процесс становления think tanks в России и выработки ими оптимальных моделей взаимодействия с политической сферой все еще находится в стадии становления. Поднимается проблема различения научных элит, участвующих в экспертно-аналитическом и консультационном сопровождении деятельности власти, и носителей других статусов – идеологов, комментаторов, пропагандистов, лидеров мнений. Затрагивается вопрос о профессиональном самоопределении политолога. Дополнительную сложность вносит проблема мультистатусности участников политической коммуникации: наряду с «чистыми» статусами возможны их разные сочетания, что, безусловно, затрудняет их однозначную и непротиворечивую формализацию.

Вводится классификация институций, участвующих в сопровождении политических акторов: 1) комментаторы и лидеры мнений (индивидуальные и коллективные); 2) организации, выполняющие PR-функции; 3) экспертно-аналитические организации и исследовательские фонды, способные на подготовку исследовательских докладов либо аналитических документов (в т.ч. закрытых) высокого качественного уровня; 4) организации, структуры и эксперты, занимающиеся «технической» (правовой, экономической и т.п.) экспертизой решений и документов, выпускаемых политическими субъектами и госорганами. Делается вывод, что субстрат научных элит локализован прежде всего в третьей и, отчасти, в четвертой группах.

В терминах «спроса» и «предложения» анализируется сфера экспертно-аналитического сопровождения политических акторов, отмечается асимметрия позиций между политической сферой и экспертным сообществом: именно политика определяет форматы и степень взаимодействия, регулирует и пересматривает «правила игры». Обосновывается вывод о желательности расширения полифонии взглядов, транслируемых экспертной средой в

политическую систему и воспринимаемых ею, и приводятся возможные институциональные конструкции для такого расширения.

Предлагается *периодизация* участия научных элит в экспертном сопровождении политических акторов, охватывающая четыре этапа.

1) невысокий спрос *в начале 1990-х гг.*, при том что многие носители научных и экспертных статусов напрямую приходят в политику;

2) бурное развитие *в середине 1990-х – начале 2000-х гг.*, связанное с конкурентной борьбой различных политических сил на всех уровнях власти;

3) ослабление участия *в 2000-е гг.*: в условиях стабилизации политической системы сокращается спрос со стороны большинства политических субъектов, за исключением государства, наблюдается переход аналитических команд на госслужбу, переориентация части экспертных структур на сопровождение госорганов. Сокращается общее число подобных институций;

4) предпосылки к новому росту в условиях растущей публичной конкуренции - *в начале 2010-х гг.*

Далее анализируется участие научных элит в организациях, обеспечивающих сопровождение федеральных органов государственной власти. Делается вывод об *отраслевой асимметрии*. Отмечается, что наиболее плотные связи профессиональной и научной коммуникации выстраиваются в экономической сфере – между государственными структурами, отвечающими за выработку экономической политики и финансово-экономическое регулирование, и крупными университетами, в рамках которых осуществляется подготовка специалистов по таким направлениям (в т.ч. МГУ имени М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ и др.).

В *четвертом параграфе* анализируется идейное и интеллектуальное влияние научных элит на политическую сферу в современной России. Исследуется феномен «школ», делается вывод о существовании серьезной либеральной «школы», в рамках которой выстраивается плотное взаимодействие финансово-экономического блока Правительства РФ и

руководства Центрального Банка России, с одной стороны, и экспертно-научного блока НИУ ВШЭ и РАНХиГС при Президенте РФ, с другой стороны. Данная «школа» не является самой многочисленной, однако другие (например, «государственно-патриотическая») являются более разобщенными, у них менее плотные связи с научными элитами и т.д.

Анализируется идейное влияние научных элит на широкие слои общества. Рассматриваются отдельные образовательные и просветительские проекты, в рамках которых осуществляется трансляция научного знания широким общественным группам (интернет-проект «ПостНаука», публичные лекции «Полит.ру» и др.). Делается вывод о растущей фрагментации групп, ориентирующихся на тех или иных лидеров мнений из научной среды.

В завершении работы поднимаются проблемы отсутствия знаковых фигур из числа ученого сообщества, подобных академику А.Д. Сахарову, которые могли бы выступать общезначимыми символами в масштабе всего социума, и снижения в обществе и сознании элит статуса носителя научного знания, вплоть до его утраты как ценностной доминанты.

В заключении формулируются основные выводы диссертации, обозначаются ключевые проблемные узлы и направления для дальнейших исследований.

В приложении диссертации помещен гайд по вопросам, в соответствии с которым проводились экспертные интервью в ходе полевого исследования.

Основные положения и выводы диссертационного исследования изложены в следующих научных работах автора, опубликованных в рецензируемых журналах, включенных в перечень ВАК:

1. Ляховенко О.И. Дж. О’Тоал: Критическая геополитика и ее критики //

Политическая наука. 2009. №1. С.178-187. – 0,4 п.л.

в зарубежных рецензируемых журналах, включенных в перечень рекомендованных к публикации ВАК Украины:

2. Ляховенко О.И. Влияние научных элит на политический процесс в России // Вестник Харьковского университета. 2013. №1045. С.96-100. – 1 п.л.

а также в других научных изданиях:

3. Коваленко В.И. Ляховенко О.И. Научная элита в политическом процессе России: к постановке проблемы // Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Том 1. Ростов-на-Дону. 2013. С.264-285. – 1,5 п.л.
4. Ляховенко О.И. «Принцип вращающихся дверей» и проблема взаимной проницаемости политических, научных и бизнес-элит в России // SCHOLA-2012: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 209-214. – 0,5 п.л.
5. Ляховенко О.И. Особенности влияния научных элит на политический процесс в России // Материалы докладов XX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2013». М.: МАКС ПРЕСС, 2013. – 0,1 п.л.
6. Ляховенко О.И. Многоуровневый подход как методология изучения научных элит // Успехи современного естествознания. 2013. № 7. С. 159-160. – 0,1 п.л.
7. Ляховенко О.И. Научная элита и вызовы XXI века // Материалы IV Всероссийской (заочной) конференции «Россия-2030 глазами молодых ученых». М. 2013. – 0,4 п.л.
8. Ляховенко О.И. Социокультурные факторы взаимодействия политики и науки в России // Материалы конференции «Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы». Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – 0,1 п.л.
9. Ляховенко О.И. Возможности и пределы модернизации в России: Path dependence и поиск «особого пути» // Материалы III Всероссийской научной конференции «Россия-2030 глазами молодых ученых». М. 2012. – 0,4 п.л.

Подписано в печать: 14.11.2013
Объем: 1,1 п.л.
Тираж: 100 экз. Заказ № 288
Отпечатано в типографии «Реглет»
119526, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 39
(495) 363-78-90; www.reglet.ru